

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ редакціи, на Эриванской площади, въ домѣ Харазова, № 3, въ Тифлисѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 9 до 2 и отъ 5 до 7 часовъ вечера.

Цѣна отдѣльнаго номера 20 к.

ФАЛАНГА

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою на домъ:

На 1 годъ	8 р. — к.
„ 6 мѣсяцевъ	4 „ 50 „
„ 3 мѣсяца	2 „ 50 „

Съ разсылкою по Имперіи:

На 1 годъ	8 р. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ	5 „ — „
„ 3 мѣсяца	2 „ 75 „

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

— Дружно гребите, во имя прекраснаго, противъ теченія!
(Гр. А. К. Толсой).т

ИЗЪ РЪЧИ ГАМБЕТТЫ

ПЕРЕДЪ ПАМЯТНИКОМЪ ДЮПОНЪ-ДЕ-ЛЕРУ

„Дорогіе сограждане! Мы разойдемся отсюда, унеся въ сердцѣ воспоминанія и уроки этого дня, такъ какъ мы собрались сюда не для одного только празднаго удовольствія сооружать статуи и браться между собою въ народномъ собраніи. Мы вынесемъ изъ этого заявленія народной признательности не только урокъ, но и сознаніе нашего строгаго долга—подражать примѣру людей, которыхъ мы считаемъ своими путеводителями. Посвященіе памятниковъ людямъ, не заслужившимъ этого ни величіемъ своей души, ни своими услугами обществу, бываетъ только признакомъ упадка націи, желающей имѣть великихъ людей, не имѣя великихъ дѣлъ въ своихъ лѣтописяхъ. Но нѣтъ лучшей дани

уваженія, какъ та, которая воздается самому добродѣтельному изъ гражданъ. Сегодня въ особенности, въ эту жестокую годовщину печальнаго дня 4 сентября, хотя и давшаго намъ внутреннюю свободу, но въ то же время, положившаго начало военному паденію Франціи,—мы должны помнить, что причиной нашего крушенія было отсутствіе у насъ гражданскихъ доблестей въ критическую минуту нашей исторіи. Да, граждане, и вы, женщины,—вы, лучшая часть націи, держащая въ своихъ рукахъ судьбы отечества,—подумайте о томъ, какимъ урокомъ служить для васъ этотъ памятникъ! Если-бы въ сердцахъ французскаго народа преобладали добродѣтель, любовь къ отечеству, духъ

независимости, поклоненіе разуму и презрѣніе къ матеріальнымъ наслажденіямъ, словомъ, если-бъ много было такихъ людей, какъ этотъ, — тогда, повѣрьте, мы вычеркнули бы изъ нашей исторіи день 4 сентября и знали бы только день 14 іюля 1789 г. Вотъ, почему полезно ставить статуи людямъ, которымъ ихъ честность и разумъ никогда не измѣняли; которые ни разу не поступились своими убѣжденіями ни передъ увлеченіями толпы, ни передъ деспотизмомъ одного человека,—которые, неуклонно слѣдуя предначертанному пути, шли твердымъ и ровнымъ шагомъ какъ среди вспышекъ восторга, такъ и вспышекъ непопулярности, къ торжеству идеала, справедливости и права“.

СЪ НАЛЕТА

На пшеницу и на рожь
Урожай весьма хорошъ.
(Мы всю рожь и всю пшеницу
Отправляемъ за границу).

* *

А родимой чепухи—
Что Демьяновой ухи!...
(И ужъ этимъ урожаемъ)
Мы самихъ себя снабжаемъ).
Ив. Тх—скій.

ВСТРѢЧИ

фантастическій фелетонъ
(продолженіе *)

III

... Однако Демонъ оказался джентльменомъ, поступающимъ не совсѣмъ по джентльменски: въ условленный день и часъ онъ не явился. Мнѣ было нѣсколько досадно, но—подумалъ я—мало-ли что можетъ случиться съ такимъ заклятымъ богемой и авантюристомъ, какъ мой пріятель! Или самъ увлекся, или завлеченъ, или даже *привлеченъ*... Ни за что нельзя ручаться. Какое-же было мое изумленіе и (не скрою) тщеславная радость, когда Демонъ самолично явился передо мною въ моемъ рабочемъ кабинетѣ. Повидимому, онъ былъ утомленъ и раздраженъ: черные зрачки лихорадочно, нетерпѣливо перебѣгали съ предмета на предметъ, на губахъ складывалась презри-

тельная усмѣшка, дрожащіе пальцы безнощадно теребили жиденькую курчавую бородку.

— Здравствуйте! Гдѣ вы пропали?

— Уфъ, усталъ! тяжело вздохнулъ онъ, укладываясь съ ногами на тахту.—Сейчасъ изъ Москвы.

— Что вы?! Да вѣдь третьяго дня мы съ вами... началъ было я, но вспомнивъ, что съ такимъ фантастическимъ господиномъ ничему удивляться не слѣдуетъ, прикусилъ окончаніе фразы и подаль ему сигару.

— Да, третьяго дня мы съ вами пили кахетинское, а вчера я былъ въ Москвѣ, сегодня опять здѣсь—ничего тутъ нѣтъ невѣроятнаго. Только усталъ дьявольски.

— Какая нелегкая васъ носила? и зачѣмъ, что за экстренность?

— Двадцатипятилѣтній юбилей Щедрина справляли.

— Ага, это интересно!

— То есть собственно не Щедрина,—Щедринъ самъ по себѣ;—юбиляра на лицо не было и поздравительную телеграмму послали не ему, а въ редакцію „Отеч. Записокъ“. Справляли мы юбилей „Губернскихъ очерковъ“.

— И то дѣльно! Катковъ былъ?

— Собирался быть, но воздержался.

— Странно. Вѣдь „Губернскіе-то очерки“ у него въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ печатались. Слѣдовало бы...

— Онъ давно раскаялся и предалъ это забвенію, или просто прикинулся непомнящимъ.

— Тѣмъ не менѣе, интересно. Рассказывайте-же, какъ и что? много народа было? Вѣдь матушка Москва шутить не любитъ,—размахъ у нея широкій.

— Да какъ вамъ сказать... Собралось народу не много ни мало—человѣкъ этакъ около пятидесяти. Заведеніе Эрмитажъ знаете? Ну, вотъ тамъ собрались господа покушать. Я ничего не ѣлъ, не знаю, тонокъ ли былъ обѣдъ,—вѣроятно, что нибудь было не по вкусу, потому что тосты и бесѣды отличались грустью... И еслибъ актеръ Андреевъ-Бурлакъ не явился въ качествѣ застольнаго публициста, то со скуки хоть вонъ бѣжать, такъ въ ту-же пору. Спасибо, потѣшил! Актерикъ онъ, какъ извѣстно, занятый.

— Не глумитесь, расскажите по порядку, какъ было дѣло.

— Не стоитъ—изъ газетъ узнаете. И что вамъ въ протокольномъ изложеніи подробностей! Извѣстно, какъ у людей водится въ такихъ случаяхъ: покушаютъ да поговаряютъ, потомъ опять поговаряютъ да покушаютъ, загоняютъ куда-нибудь телеграмку, и выходитъ оно—дѣло домашнее, любезное...

— Но, позвольте, какъ же это Щедринъ-Салтыковъ и домашнее дѣло? Такой изъ крупныхъ крупный писатель, человѣкъ серьезный... и вдругъ актеры... Да онъ никогда и не писалъ для театра, вполне предоставивъ гг. Виктору Александрову и Тарновскому обогащать російскую сцену перлами ихъ бессмертныхъ твореній...

— Больше вамъ скажу: онъ умолялъ (помните?) пощадить его—не давать на сценѣ „Иудушку“,—это топорное искаженіе „Господь Головлевыхъ“,—а тутъ-то какъ разъ на юбилей, должно быть, въ пику юбиляру, г. Андреевъ-Бурлакъ и заявилъ, что въ непродолжительномъ времени онъ безотмѣнно изобразитъ на сценѣ этого самаго Иудушку и весь сборъ (за вычетомъ проторей и убыт-

*) См. № 35 и 36 „Фаланги“

ковъ) преподнесетъ на основаніе „народной школы Щедрина“... Вы не вѣрите? Право, такъ.

— Странно!.. Однако, вотъ видите, все же положено основаніе народной школѣ.

— Гмъ, да... конечно, этакимъ манеромъ учреждать народныя школы—дѣло не хитрое... Вонъ нашъ Тифлисъ давно уже завелъ нѣсколькихъ стипендіатовъ въ кавказскій пѣхотный полкъ. то-бишь, въ университетъ кавказскій. Да не въ томъ дѣло... зачѣмъ они къ такому любезному домашнему дѣлу, какъ пріятельскій обѣдъ въ Эрмитажѣ, Михаила Евграфовича Салтыкова приплели? Кусали бы себѣ попросту на здоровье...

— Вы вѣчно всѣмъ недовольны! Не даромъ сказано про васъ:

„И ничѣго во всей природѣ
Благословить онъ нехотѣлъ...“

— Разумѣется, благословлять—не мое дѣло... Но я спрашиваю васъ, когда же люди выучатся различать пустяки отъ дѣла серьезнаго и несмѣшивать сохи съ балабайкой? Досадно, право!

— Эхъ вы, ненавистникъ! Васъ просто злитъ всякое мирное, безсбидное времяпровожденіе добрыхъ людей. Кому оно мѣшаетъ! А все-таки помянули добрымъ словомъ заслуги честнаго писателя. Вонъ, въ Питерѣ ничего подобнаго не устроилось и, кажется, не было и рѣчи объ юбилеѣ,—такъ что-жъ по вашему, это лучше?

— Видно, что вы ничего не знаете. Позвольте-жъ вамъ рассказать нѣкоторые извѣстные мнѣ факты, тогда вы лучше уразумѣете мою мысль и оцѣните мою досаду. Нападать на Питеръ нынче въ модѣ; на Москву указываютъ, какъ на хранилище всѣхъ коренныхъ добродѣтелей... Ну, о добродѣтеляхъ я умолчу; опять таки не мое это дѣло... А вотъ, что звонкія фразы фабрикуются больше въ Москвѣ и принимаются за настоящее дѣло, это для меня очевидно. Въ Питерѣ вамъ скажутъ: вотъ это соха, ея землю пашутъ—дѣло серьезное; а вотъ это балабайка—инструментъ пріятный, увеселяющій нашъ досугъ; но ея мѣсто въ „Аркадіи“. Въ Москвѣ же уповаютъ балабайкой все лицо земли русской преобразить. Въ Питерѣ, на примѣръ, умеръ простой, бѣдный и нечиновный человекъ порабатвавшій на пользу родины—и поднимаются десятки тысячъ народа, чтобы проводить до могилы дорогаго покойника потому-что покойникъ этотъ Некрасовъ Достоевскій... Въ Москвѣ тоже, пожалуй стечется большая толпа на похороны,—но вѣдь это похороны Н. Рубинштейна... Кажется, есть маленькая разница. Добродушные москвичи сами-же потомъ смѣются—не знаемъ, говорятъ, кого хоронили: Рубинштейна, или нѣмецкую даму... Открытіе памятника Пушкину было дѣйствительно боль-

шимъ народнымъ торжествомъ, но вѣдь самими-то яркими звѣздами на этомъ торжествѣ были все-таки питерцы; а москвичи и къ этому серьезному торжеству сейчасъ же пристроили балабайку: театръ г. Малкиеля прозвали театромъ близъ памятника Пушкина... Вы обвиняете петербуржцевъ за то, что они прозѣвали юбилей своего талантливаго писателя,—на это я вамъ вотъ, что скажу: М. Е. Салтыковъ по свойству своего таланта врагъ всякой мишуры, шумихи, легкомысленнаго скаканія и утробныхъ восторговъ. Онъ принадлежитъ къ той небольшой плеядѣ русскихъ писателей, которая смотритъ строго и серьезно на свое призваніе, „не требуя награды за подвигъ благородный“; сколько извѣстно, ни одному изъ этихъ писателей юбилей не справляли; навѣрное скажу, они сами уклонялись отъ фимиама парадныхъ славословій. Петербуржцы это хорошо поняли. Да коли хотите, юбилей 25-лѣтней литературной дѣятельности М. Е. Салтыкова давнымъ-давно ужъ миновалъ; его слѣдуетъ считать не съ напечатанія „Губернскихъ очерковъ“, а съ появленія повѣстей „Противорѣчіе“ и „Запутанное дѣло“, (1847 г.) когда даровитый дебютантъ внезапно очутился на военной гауптвахтѣ, а потомъ въ тележкѣ фельдъегеря, прокатившаго его до Вятки. Служба М. Е. Салтыкова въ вятскомъ губернскомъ правленіи оказалась весьма важной эпохой въ жизни писателя,—тамъ онъ воочию увидѣлъ и изучилъ тотъ богатый матеріалъ, разработкою котораго опредѣлилось направленіе и дальнѣйшее развитіе таланта вашего перваго сатирика. Этого забывать не слѣдуетъ. Извѣстно мнѣ, что и въ Петербургѣ затѣвалось празднованіе Щедринскаго юбилея, я видѣлъ даже циркулярныя приглашенія по этому поводу. Авторъ ихъ выражался такъ: „Предлагаю вамъ, милостивый государь, почтить „это знаменательное четверть-вѣковое служеніе русской мысли. Соблаговолите почтить „вашимъ увѣдомленіемъ о согласіи или несогласіи въ участіи празднованія означеннаго дня (25 Августа), дабы можно было затѣмъ, „собравшись, избрать комитетъ для составленія программы чествованія М. Е. Салтыкова „и его плодотворной дѣятельности. Съ своей „стороны, я только считаю умѣстнымъ напомнить объ этомъ знаменательномъ днѣ, не претендуя на инициативу составленія и исполненія (?) программы чествованія“. Какъ видите, по самому тону и неряшливой редакціи этого приглашенія, оно исходило отъ лица, не имѣющаго ничего общаго съ литературой, или, можетъ быть, отъ газетной филоксеры, а потому не вызвало въ литературныхъ сферахъ никакого отклика. Но и тутъ (замѣтьте эту характерную черту петербуржцевъ) рѣчь шла не о любезномъ семейномъ празднованіи, а предполагалась цѣлая программа чествъ ванія, выработать

которую долженъ былъ избранный комитетъ. Дѣло ставилось на почву общественной.

— Вы, любезный другъ, пристрастны; недолюбиваете Москву или, просто, утомлены слишкомъ большимъ воздушнымъ полетомъ, первы раздражены—вотъ вы и злитесь. Такое крошечное событіе не заслуживаетъ гнѣвныхъ громовъ.

— Да-съ, но Салтыковъ-то—лицо вовсе не крошечное. Если вамъ дорого его имя и почтеніе я литературная дѣятельность, то умѣйте-же серьезно уважать и оберегать это общественное достояніе. Равнодушіе постыдно, но и усердіе не по разуму портитъ самыя лучшія намѣренія. Малодушно ссылаться на разныя неблагоприятныя условія... Придетъ пора, и все общество, вся громада воздастъ должное любимому писателю, а пока—хоть молчите о своемъ общественномъ безсиліи. Мы съ вами вотъ сегодня-же пойдемъ въ лондонскую гостинницу, поѣдимъ гастрономически, поднимемъ бокаль шампанскаго въ честь уважаемаго сатирика и, надѣюсь, объ этомъ событіи не пошлемъ никуда телеграммы, даже въ Фалангъ вы объ этомъ не напечатаете...

А.—мъ.

АФОРИЗМЫ И ЗАМѢТКИ

Легче управлять другими, чѣмъ помѣшать, чтобы другіе не управляли нами.

* *

Сознаніе своей силы увеличиваетъ ея значеніе.

* *

Людовикъ XI видѣлъ въ началѣ своего царствованія начало своей мести: ему казалось, что онъ можетъ жить лишь при томъ условіи, чтобъ не осталось въ живыхъ ни одного человека, стоящаго въ нравственномъ отношеніи выше его.

* *

Кто хочетъ быть строже самихъ законовъ тотъ тиранъ.

* *

Патерамъ выгодно невѣжество: „Благовѣстіе“ такъ просто, что каждый, въ противномъ случаѣ, сказалъ бы имъ: я понимаю его не хуже васъ.

* *

Мы справедливо считаемъ аппетитъ признакомъ здоровья, а отвращеніе къ пищѣ признакомъ болѣзни. Но мы ошибаемся относительно человѣческаго духа, считая сильной—душу безъ страстей и называя лихорадкой—пылкость молодости.

* *

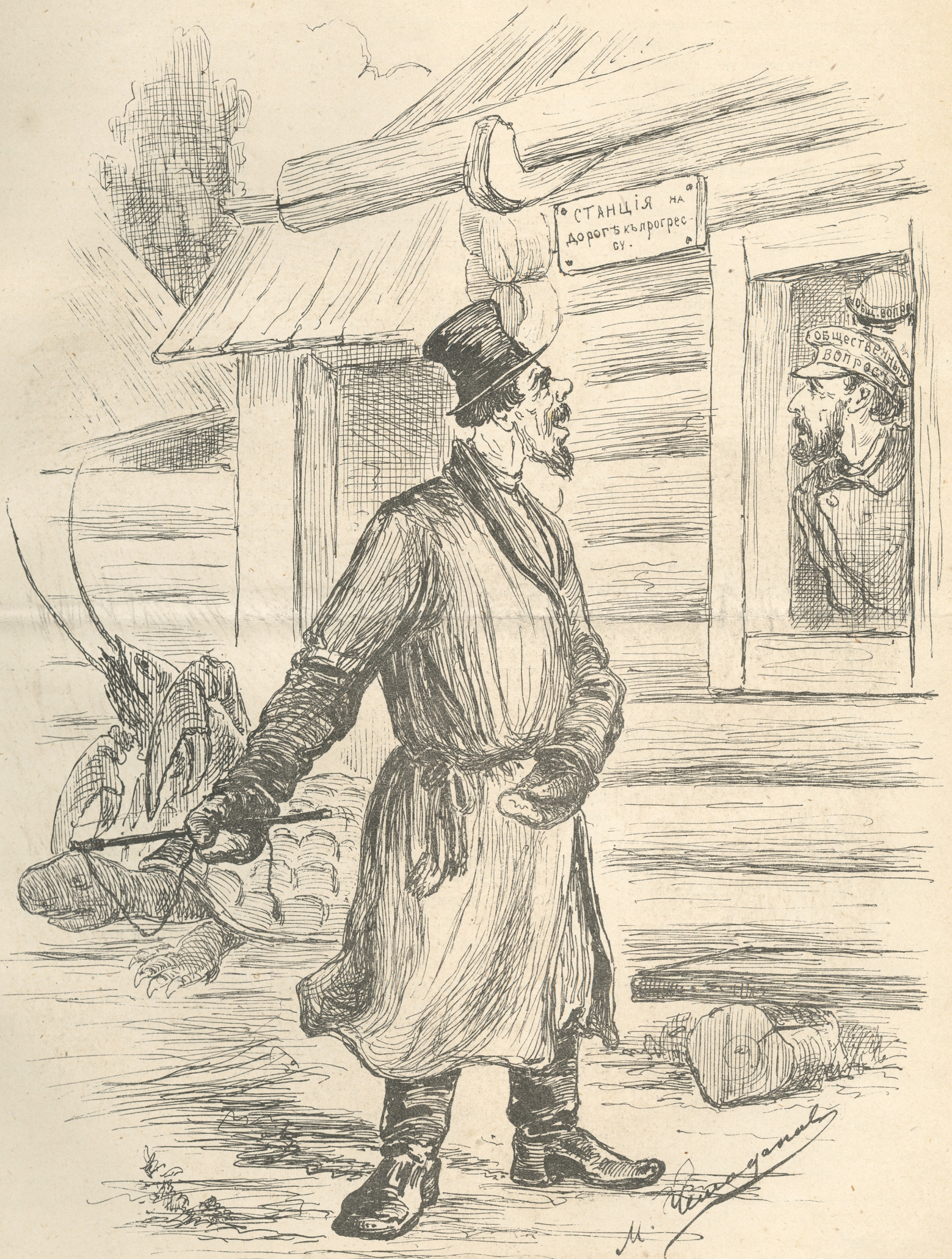
Кто можетъ все перенести, тотъ можетъ на все дерзнуть.

Перевелъ и записалъ

Иванъ—да—Марья.

«Симптомъ современной болѣзни— „мыслебоязни“.

— Пожалуйте, блаародіе! — Подвода готова: живо подкатимъ!

УРОДСТВО И КРАСОТА

(Из Беранже)

Наружность иногда обманчива бывает,—
Зачѣмъ же, о, мой Богъ, ей красота дана!?
Ея прелестный ликъ порой меня смущаетъ...
Ахъ, если-бъ стала вдругъ уродливой она
Вѣдь лично для меня ей красоты не надо;
Пусть будетъ дивный ликъ уродствомъ
замѣнитъ!
На помощь я готовъ призвать всѣ силы
ада...
Лишь былъ бы я въ нее попрежнему
влюбленъ!

**

На эту рѣчь ко мнѣ самъ Сатана явился.
(Уродства на землѣ онъ—истинный отецъ)
—„Изволь, сказалъ онъ мнѣ,—ты своего
добился:
„Всѣмъ юношамъ на зло,—красѣ ея конецъ!
„Я до-смерти люблю такія превращенья..
„Смотри, она идетъ, и—фактъ ужъ совер-
шенъ:
„Поблекла красота, исчезли оболъщенья,
„И только ты въ нее попрежнему влюб-
ленъ!“—

**

—„Какъ! я не хороша?“—и, съ видомъ
изумленья,
Тутъ къ зеркалу она поспѣшно подошла;
Сперва она была какъ будто-бы въ сом-
нѣннн,
Но, въ зеркало взглянувъ, въ отчаянье
пришла.
— Жить только для меня клялась ты,
дорогая,
И я теперь на вѣкъ съ тобой соединенъ!
(Такъ говорилъ я ей, колѣни преклоняя)
Повѣрь, что я въ тебя по прежнему влюб-
ленъ!—

**

Потокомъ горькихъ слезъ она мѣѣ отвѣ-
чала!..
При видѣ этихъ слезъ я сжалился надъ
ней,
И молвилъ: „Чтобъ она на друга не ро-
пала,
Отдайте красоту возлюбленной моей!
—„Да будетъ такъ!“—сказалъ мнѣ бѣсъ съ
усмѣшкой злою.
И вновь увидѣлъ я, насколько чортъ
силенъ:
Красивѣй сталъ вдругъ возлюбленная
вдвое!..
А я, глувецъ, въ нее попрежнему влюб-
ленъ!

**

Вновь въ зеркало она съ поспѣшностью
глядится,
Съ восторгомъ видитъ въ немъ, что сно-
ва хороша,—

И тол ко по щекѣ сле а еще катится.
Смѣясь уходитъ бѣсъ. И, вслѣдъ за нимъ
спѣша,

Увы! она меня бросаетъ, на прощанье
Шепнувъ съ улыбкой мнѣ: „мой другъ, ты
не уменъ!

„Пойми же хоть теперь: красивому со-
зданью
„Нельзя любить того, кто слѣпъ, когда
влюбленъ.“

Иванъ—да—Марья.

ИЗЪ ДНЕВНИКА СРЕДНЯГО ЧЕЛОВѢКА

Отрывокъ 4-й *)

... Боюсь надѣяться, но, кажется, скоро
всѣмъ моимъ душевнымъ мытарствамъ и
нравственнымъ тревогамъ придетъ конецъ...
Давно пора!.. Къ берегу, къ берегу, скорѣе
къ берегу!.. Если я не ошибаюсь, если всѣ
мои умозаключенія правильны, то я, пови-
димому, нашелъ такой исходъ изъ моего тя-
гостнаго положенія, такое разрѣшеніе мо-
ихъ нравственныхъ диссонансовъ, такой
удачный компромиссъ, что и волки будутъ
сыты и овцы цѣлы. Я нашелъ, я несомнѣн-
но нашелъ тотъ счастливый родъ дѣятель-
ности, который даетъ возможность съ одной
стороны не краснѣть передъ грозными тѣ-
нями своихъ университетскихъ товарищей,
а съ другой не бояться ежеминутно за со-
хранность и неприкосновенность своей соб-
ственной шкуры. Я нашелъ, да, я нашелъ!..
Я нашелъ такую науку, которая, будучи на-
укой чистой и свободной, въ то-же самое
время нисколько не противорѣчитъ взгля-
дамъ урядниковъ и предначертаніямъ око-
лоточныхъ надзирателей. Служа этой наукѣ,
можно носить почетное званіе свободного
жреца свободныхъ истинъ, можно честно и
громко провозглашать ея ученіе, и въ то-же
самое время быть вполне увѣреннымъ, что
за такую дѣятельность не только не по-
страдаешь, но даже будешь получать одобри-
тельные и поощрительныя улыбки. Безо всяка-
го виланія хвостомъ, безо всякаго вранья,
только при помощи честнаго служенія этой
чудной наукѣ, можно стать въ великолѣпное
положеніе... Въ глазахъ честныхъ дѣятелей
прогресса явишься свободнымъ мыслителемъ,
представителемъ чистой науки, въ глазахъ
всѣхъ будешь вполне благонамѣреннымъ че-
ловѣкомъ. О, небо!... Что можетъ быть луч-
ше этого?!..

Наука эта, которую я такъ удачно пой-
малъ за хвостъ и которую ни за какіе мил-
оны изъ рукъ не выпущу, наука эта—архе-
ологія. Да-съ, именно она—археологія!..
Дѣйствующій нынѣ въ Тифлисѣ археологи-
ческій съѣздъ навелъ меня на это блестя-

щее открытіе. Когда я увидѣлъ этихъ уче-
ныхъ людей, къ съѣзду которыхъ отнеслись
такъ любезно и поощрительно, когда я уви-
дѣлъ этихъ свободныхъ мыслителей, передъ
которыми дѣлаетъ подъ козырекъ сама по-
лиція; когда я увидѣлъ этихъ предтави-
телей чистой науки, о которыхъ съ такимъ
благоговѣніемъ отзываются официальные орга-
ны... когда я увидѣлъ все это, я сейчасъ-же
понялъ и воскликнулъ: нашелъ!.. Вотъ она,
вотъ та дорога, которая, наконецъ, выведетъ
меня изъ области страдальческихъ скитаній.
Съ этой минуты я воспыпалъ горячею лю-
бовью къ археологіи, купилъ себѣ за 3 рубля
шесть гривенъ значекъ члена тифлискаго
археологическаго съѣзда и на вѣчныя вре-
мена приколовъ этотъ драгоценный значекъ
къ петлицѣ своего сюртука.

Другой такой нѣтъ науки!.. Тѣмъ-то она
и драгоценна эта любезная, ко всѣмъ при-
вѣтливая, для всѣхъ ласковая, единственная
наука... Вѣдь вотъ, на примѣръ, естествозна-
ніе... съ перваго взгляда то-же гажется
какъ будто наука привѣтливая, не заключа-
ющая въ себѣ ничего предосудительнаго...
Но это только съ перваго взгляда... Покуда
рѣчь идетъ о жизни хищныхъ звѣрей, о
кровообращеніи и пищевареніи, каждый съ
интересомъ, съ улыбкой и даже съ нѣкото-
рымъ благоговѣніемъ будетъ слушать... Но
какъ дойдетъ дѣло до ученія о первоначаль-
ной клѣточкѣ, до рефлексовъ головного моз-
га—тутъ уже пиши пропало!.. Такимъ вдругъ
атеизмомъ понесетъ, что два шага останется
до гражданскаго брака и гражданскихъ по-
хоронъ. Ну и конечно!.. Или отрекайся
публично отъ выводовъ своей собственной
науки, или-же терпи... Начнешь, разумеет-
ся, вилать хвостомъ... ну, въ концѣ и ока-
жется, что честные дѣятели прогресса на-
зовутъ тебя негодяемъ, а полиція запишетъ
въ число подозрительныхъ: т. е. другими
словами, и волки голодны и овцы съдены...

То-же самое и исторія со всѣми своими
отраслями... Покуда повѣствуется о завоева-
ніяхъ Александра Македонскаго,—все идетъ
прекрасно. Васъ слушаютъ, спрашиваютъ,
увлекаются и даже восторгаются. Но
какъ дѣло дойдетъ до разныхъ этихъ треть-
ихъ и четвертыхъ сословій... нѣтъ тебѣ тутъ
ни съѣздовъ, нѣтъ ни угощеній, ни обѣ-
довъ, ни значковъ и опять или отрекайся,
или терпи...

Про науки политическія и социальныя я
ужъ и не говорю... Тутъ какъ начнешь чи-
тать, такъ съ первой страницы волосъ ды-
бомъ становится...

При такихъ условіяхъ поневолѣ археоло-
логію полюбишь. Потому наука такая для
всѣхъ милая и пріятная. Копай себѣ, сколь-
ко хочешь. И лопатку тебѣ дадутъ, и ра-
бочихъ, а при случаѣ такъ и подъемные, и
прогонные, и суточные выдадутъ, потому что

*) См. № 17 и 26 „Фаланги“

ЗА ДОБЫЧЕЙ

На археологическомъ създѣ.

Съ 8-го сентября мы уже положительно стали европейцами: у насъ „засѣдаетъ създѣ“. За день до открытія създа въ мѣстныхъ газетахъ было объявлено, что вечеромъ всѣ члены соберутся въ саду дворца „для взаимнаго ознакомленія“. Приятель мой, грузинскій помѣщикъ, князь Бардзимъ Гивовичъ Домхалидзе, пріѣхавшій изъ Земо-Ардвиси и оставившій на произволъ судьбы свой „кало“ (токъ), съ нетерпѣніемъ ожидалъ вечера, чтобъ взглянуть на именитыхъ гостей. Князь чистосердечно сознавался мнѣ, что кромѣ Месхи, Лело, и Анчихатисубнели онъ никакихъ другихъ ученыхъ не знаетъ. Когда я ему объяснилъ, что поименованные имъ господа хоть и ученые, но только съ „другой стороны“, то онъ былъ крайне озадаченъ; очевидно, подъ словомъ „ученый“ онъ подразумѣвалъ всякаго, кто только печатаетъ свои и чужія „мысли“!

— Скажи пожалуйста, — обратился онъ ко мнѣ: и между грузинами есть ученые?

— Какъ-же, — у насъ даже есть докторъ грузинскаго языка!

— Ва! маргла!.. удивился онъ. И хорошо лечить?

Когда я ему объяснилъ, что докторъ грузинскаго языка не лечитъ даже „имеретинской болѣзни“, — онъ крайне былъ удивленъ и сомнительно покачалъ головой.

Наконецъ, настала вечеръ. Бардзимъ съ трепетомъ вошелъ въ садъ. Народу оказалось много, въ саду было довольно темно; „взаимное ознакомленіе“ затруднялось темнотою... Мой Бардзимъ подкрался къ какому-то ученому, чтобъ ближе разсмотрѣть его, и вдругъ вскрикнулъ: вааа!!!

— Что съ тобой, Бардзимъ?

— Какой же это ученый? Это просто Погосъ Макарычъ, которому я продаю вино!

— Ва! Погосъ, шенць ака харь?.. (Ва! Погосъ, и ты здѣсь)

— То, ести мутибаре, гижъ-враце, ратомъ аръ викинеби?.. (Сумашедшій-грузинъ, отъ чего мнѣ не быть?) отвѣтилъ Погосъ.

Я отвелъ князя въ сторону, чтобъ показать ему настоящаго ученаго. Какъ на зло изъ „пріѣзжихъ гостей“ никто не попался.

Наконецъ, мы наткнулись на г. Проценко.

— Вотъ этотъ—настоящій ученый.

— Что же онъ написал?.. спросилъ меня Бардзимъ.

— О происхожденіи изъ „Вирія“...

— Вѣроятно, онъ изслѣдовалъ сигнахскую породу...

Бардзимъ не понималъ меня. Географическій терминъ „Вирія“, избрѣтенный г. Проценко, онъ принялъ за названіе животнаго (вири по грузински значитъ осель) и съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на псевдо-зоолога!..

ученыхъ людей и науку надо поощрять. И поощряютъ, потому-что знаютъ, что ты, археологъ, какъ-бы ты ни былъ честенъ и стоекъ въ своихъ научныхъ выводахъ и убѣжденіяхъ, ты все-таки ни до чего такого не докопаешься, чтобы съ благонамѣренностью въ разрѣзъ шло. Археологія, какъ мудро выразился редакторъ „Кавказа“, есть наука, которая, занимаясь глубоко-интереснымъ вопросомъ *откуда*, проливаетъ свѣтъ на не менѣе интересный вопросъ: *куда?*... Стало быть ясно, что наука эта нисколько не интересуется праздными вопросами: теперь-то что? Теперь-то мы почему, за что и зачѣмъ?..

А разъ она вопросами этими не занимается, стало быть, всѣ ея истины можно громко высказывать и свободно исповѣдывать. И въ създѣ, значитъ, събѣжаться можно, и на всякое содѣйствіе рассчитывать и всяческими угощеніями и поощреніями пользоваться: съ одной стороны ты—свободный мыслитель, мыслитель честный, не отрекающійся отъ своей науки, а съ другой стороны ты—благонамѣренный человекъ, всякими любезностями пользующійся! Вотъ это значитъ: и волки сыты, и овцы цѣлы! И по этому-то ни въ какихъ другихъ ученыхъ корпораціяхъ, какъ именно въ археологической, не встрѣтишь столько наукѣ отдавшихъ столповъ отечества.

И что въ самомъ дѣлѣ за прелестная наука—эта археологія! Каждое новое открытіе непременно обливаешь радостью сердце современнаго человека. Откроешь, наприимѣръ, что во времена какого-нибудь Псамметиха цари ѣли каменными вилками и утирались фиговыми листьями, и сейчасъ-же съ радостью воскликнешь: А теперь-то какое благоденствіе!.. Послѣдній мужикъ деревянную ложку имѣетъ!..

Рѣшено!... Къ берегу, къ берегу, скорѣе къ берегу!... Я дѣлаюсь археологомъ и посвящаю всѣ мои досуги раскопкамъ. Я дѣлаюсь жрецомъ чистой науки, и съ этой поры никто уже не посмѣетъ упрекнуть меня въ томъ, что я составляю ненужную спицу въ пятомъ колесѣ телѣги прогресса. Между современниками я займу почетное мѣсто; а потомки будутъ лишены права кинуть мнѣ упрекъ. Я служилъ чистой наукѣ...

Г—овъ.

НОВАЯ ИСТИНА

Молвятъ: „хоть *корень* ученья и горекъ, *плоды* за то сладки“.

Я-жь, подъ влияньемъ цвѣтистыхъ рѣчей, передъ нами прочтенныхъ,

Новую истину къ старой теперь прибавляю невольно:

Горче, чѣмъ самые корни, „*цветы*“ краснорѣчья ученыхъ.

Ив. Тх—сній.

Мы вернулись домой усталые отъ погони за учеными; кромѣ вышеозначеннаго зоолога въ тотъ вечеръ никто намъ не попался. Я посоветовалъ Бардзиму, желавшему видѣть настоящихъ ученыхъ, отправиться въ „Военно-народное управление“, въ которомъ, какъ извѣстно, даже казаки умѣютъ читать іероглифы, начертанные на скалахъ Арарата рукою знаменитаго потомка Ноя Теръ-Эриціана-Аршиніана. Но Бардзимъ мой рѣшилъ лицезрѣть настоящихъ ученыхъ въ день открытія създа. Наступилъ и этотъ день. Създѣ былъ открытъ. Профессоръ Иловайскій пріѣхавшій изъ Кавказа отъ имени ученыхъ. Бардзимъ былъ очень обрадованъ, когда узналъ, что царица Тамара была замужемъ за русскимъ княземъ.

— Помилуй, Бардзимъ, говорю я ему, вѣдь это всякому извѣстно изъ учебника его же исторіи.

Вечеромъ начались настоящія пренія. Г. Цицосани (армейскій офицеръ и археологъ. *Où donc l'archeologie va-t-elle se nicher!*) читалъ о раскопкахъ въ Бердаа. Описаніе было весьма точное; но выводы г. Цицосани не совсѣмъ понравились г. Проценко. Этотъ послѣдній полагалъ, что Бердаа—ничто иное, какъ Бердянскъ; гдѣ, вѣроятно, родился Берданъ, откуда и произошли берданки. Не скроемъ, что въ этотъ вечеръ самымъ интереснымъ и даже моднымъ предметомъ для разговора былъ рефератъ г. Проценко „о разводѣ въ Абхазіи“. Отъ него не пахло археологическою пылью, не несло замогильною плесенью. Вошелъ г. Проценко на кафедру. Мужья наострили уши; жены потушили взоры; одна дама, сидѣвшая возлѣ меня, тихо проговорила: „вся надежда на него!“ Что означала эта фраза, я положительно не берусь объяснять.

Я записалъ рѣчь г. Проценко почти стенографически.. Вотъ она:

„М. г., когда я былъ аркадскимъ принцемъ... т. е. когда я служилъ въ Сухумскомъ ордѣлѣ подъ начальствомъ высокопросвѣщеннаго моего начальника, къ намъ пріѣхалъ одинъ профессоръ, для изслѣдованія флоры и фауны. Я ему указалъ, что въ Окружномъ судѣ находится гесьма интересное дѣло,—о преданіи суду старшаго вахтера за грубое обращеніе. Тогда же этотъ профессоръ обратилъ вниманіе на то, что сходки въ Абхазіи происходятъ не такъ, какъ въ Россіи,—гдѣ соберутся, погалдятъ, напьются и разойдутся. Мы написали депешу. Отвѣтъ не замедлилъ последовать! Хотите-моль открыть женскую гимназію, или пантеологическій музей?.. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что варяги пришли не съ моря, а со страны Вирія... Теорію эту я развивалъ передъ многоуважаемымъ Николаемъ Ивановичемъ Костомаровымъ, который мнѣ изволилъ сказать, что я вирія...“

У слушателей вытянулись физиономіи. Пред-

сѣдатель былъ въ самомъ критическомъ положеніи: остановить г. Проценко, или не останавливать. Наконецъ, онъ рѣшился прервать оратора.

— Вы, кажется, хотѣли говорить о разводѣ въ Абхазіи; прошу не удаляться отъ предмета!

— Ахъ, извините... Вотъ я сейчасъ приступлю.

— Въ Абхазіи существуетъ такой обычай: всѣхъ новорожденныхъ матери или кормилицы кормятъ грудью. Отъ этого и происходитъ молочный братъ. А если абхазцу жена надоѣсть,—то онъ съ нею разводится! Такъ закончилъ свой рефератъ г. Проценко!

Дама, возлагавшая всѣ надежды на него, осталась недоволенною; она надула губки и отвернулась съ досады въ другую сторону.

Утромъ 9 сентября мы пошли съ Бардзимомъ немного пораньше во дворецъ; мы уже чувствовали себя тамъ какъ дома. У Бардзима явилось даже желаніе выставить какую-то древнюю вещь; но, узнавъ, что вещь эта—ничто иное какъ кусокъ матеріи отъ „невыразимыхъ“ Тамерлана, я посоветовалъ ему не дѣлать этого, такъ какъ, вѣроятно, кто-нибудь изъ тифлисскихъ ученыхъ уже предупредилъ его.

... Между учеными завязался споръ о томъ, жили-ли люди въ Пятигорскѣ. Г. Самоквасовъ настаивалъ на этой мысли, ибо онъ нашелъ черепъ съ замѣтной царапиной. Не согласился съ нимъ одинъ только военный докторъ, сказавъ, что отъ чего не предположить, что это слѣдъ не зубовъ, а шашки, которою одинъ горецъ „свиснулъ“ другаго по головѣ. Г. Амбардановъ (котораго мы видѣли въ первый разъ, хотя Бардзимъ увѣрялъ, что онъ ученикъ знаменитаго Багдасара—какого Багдасара, онъ не назвалъ) явился настоящимъ Колумбомъ, въ этомъ вопросѣ.

— Что васъ такъ удивляетъ людоедство?.. Люди проголодались; не было больше коровъ, куръ, маіонезовъ изъ цыплятъ, по неволѣ стали ѣсть другъ друга!..

Вечеромъ того-же дня Бардзима привелъ въ восхищеніе профессоръ Миллеръ, читавшій легенду о Прометѣ. Мой Бардзимъ

какъ услыхалъ, что русскій знаетъ объ Амيرانѣ-Дареджанѣ, то пришелъ въ такой телячій восторгъ, что я его едва успокоилъ.

— Баракала!.. Молодецъ!.. Куда нашъ Петръ противъ него!.. Ва! онъ сказки собираетъ, такъ я ему сдѣлаю подарокъ, твердилъ Бардзимъ.

Оказалось, что Бардзимъ, по старой привычкѣ, хотѣлъ подарить г. Миллеру своего бывшего крѣпостнаго, который мастерски рассказываетъ сказки!

Наконецъ, взомель на кафедру одинъ инженеръ. Всѣ думали, что онъ будетъ говорить о наковальнѣ, такъ какъ рѣчь шла о кузницахъ. Но оказалось, что онъ хочетъ рассказать о томъ, какъ онъ ловилъ въ кавказскихъ горахъ Амрана (Прометей). Во время прокладыванія военно-грузинской дороги, осетины указали ему на неприступной скалѣ пещеру, въ которой, по ихъ словамъ, находился Амранъ. Г. инженеръ задумалъ поймать его во чтобы ни стало. Онъ сдѣлалъ особаго рода ящикъ и на веревкахъ спустилъ въ пещеру какого-то смѣльчака изъ осетинъ. На поимку собралась вся Осетія: всѣ со страхомъ смотрѣли на храбрую попытку русскаго. Мать рѣшившагося сѣсть въ ящикъ осетина умоляла сына со слезами на глазахъ не губить свою душу за 10 рублей! Но все было готово: ящикъ начали спускать! и... о, ужасъ! Ящикъ началъ быстро вертѣться, и осетинъ, испугавшись, сталъ кричать благимъ матомъ, чтобъ его тащили назадъ... Оказалось, что веревка была новая и при опусканіи ящика стала разматываться. Первая попытка не удалась; но г. инженеръ не унывалъ. Онъ выписалъ изъ Тифлиса туземнаго акробата Абеа (тутъ Бардзимъ мой умилился отъ избытка патриотизма), который, безъ всякихъ ящиковъ, надѣлъ на себя петлю и спустился въ пещеру. Въ пещерѣ ничего не оказалось!..

Бардзимъ цѣлый вечеръ не могъ успокоиться: онъ все восхищался профессоромъ Миллеромъ!

— А знаешь, почему онъ такой молодецъ? сказалъ я.

— Почему?

— Потому, что онъ—нашъ братъ, журналистъ!

— Какъ журналистъ?

— Да такъ; онъ издаетъ юмористическій журналъ „Развлеченіе“!

— Ара, маргла!.. Я этого не зналъ!.. значить и ученые шутятъ... Гм...

Тутъ я замѣтилъ, что Бардзимъ посмотрѣлъ на меня съ большимъ уваженіемъ.

ГОРОДСКАЯ ПОЧТА

І. Г. О.

Ваша „Домашняя сцена“ годится лишь для домашняго обихода.

Пекано.

Присланные стихотворенія, не будутъ напечатаны.

ИНОГОРОДНАЯ ПОЧТА

Петербургъ, П. Гасу.

Присланными четверостишіями мы не воспользуемся.

В. Р—шефу.

Ваши „Два поколѣнія“ нужно было бы печатать въ „Фалангѣ“ нѣсколько лѣтъ, чтобъ довести до конца. Присылайте маленькія сценки, замѣтки.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Извиняемся передъ читателями „Фаланги“, за сѣрую бумагу, на которой мы принуждены были отпечатать настоящій номеръ. Съ слѣдующаго № или, въ крайнемъ случаѣ, съ № 39 „Фаланга“ приметъ снова прежній наружный видъ.

Редакторъ-издатель ИВ. ПИТОВЕВЪ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

С.-Петербургская центральная контора объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ.

№ 11. Невскій проспектъ, уголъ Малой Морской, д. Струбинскаго. Принимаетъ объявленія во всѣ петербургскія, московскія, губернскаія и заграничныя газеты по цѣнамъ редакцій. При большихъ заказахъ дѣлаются соответственные уступки. Переводы и переписки на всѣ языки исполняются по умѣреннымъ цѣнамъ. Подписка на всѣ русскія и заграничныя газеты и журналы принимается. Каталогъ русскіхъ и заграничныхъ газетъ высылается бесплатно.

Дезинфекціонныя средства.

Желѣзный купоросъ, хлористая известь 100% содержанія хлора, перекись марганца и карболовая кислота 40% получены въ большомъ количествѣ и превосходнаго качества въ аптекарскомъ складѣ В. И. Гривнака, подъ гост. Лондонъ.

(3) 30—25.